

«Труд духа потаён. Работа души не публична. И плоды писательства – настоящие плоды настоящего писательства – не крикливы, не эпатажны, не рыночны, не политичны. «Настоящие» – это вдохновенные».

Василий Дворцов [1]

В этих заметках речь как раз и пойдёт о произведении, которое рождено тем самым потаённым духом. Создала его известная русско-армянская поэтесса Сэда Константиновна Вермишева.[2]

По Н.А.Бердяеву, как известно, бытие есть жизнь и дух. Дух – огонь, вечно разгорающееся и движущееся пламя жизни. Он не определяется внешними факторами, а идет из глубины особого, читай: неземного мироощущения.[3]

Сэда Константиновна, несомненно, является его носителем. Поэтому неудивительно, что из-под её «пера» появляются такие вдохновенные труды. Именно труды, подобные новой поэме «Плач о потерянной Родине. Жестокий час». Она недавно опубликована и довольно глубоко обсуждена читателями на сайте «Русский писатель».[4]

Все сошлись на том, что это знаковое для современной русской поэзии произведение. Казалось бы, всё сказано, но остались мировоззренческие нюансы, которые во время обсуждения, если и были замечены, то обозначены лишь пунктирно, в то время, как они заслуживают большего внимания.

* * *

При первом же прочтении поэмы была поражена каким-то «вселенским» смысловым кругом, внутри которого активно заявляла о себе целая система внутренних для автора художественно-исторических ценностей и воззрений. Их широта рождала не только положительные эмоции: и потому, что сквозь название и понятие «плача» просачивались пессимистические нотки, и потому, что они усиливались остротой авторского восприятия трагизма и «невозврата» потерянной страны.

Помогла мне разобраться в этом сама Сэда Константиновна:

«Наше с Вами понимание ситуации, людей русской культуры, отрезанных от неё физически и духовно, острее, чем у остальных. Сложившаяся ситуация проходит по нашим судьбам подобно гусеницам танков».

Это на самом деле так: тут завоешь от того, что с нами происходит. Себя имею в виду прежде всего: живём в страхе, пребывая под «колпаком»; слово «Россия» без негатива нельзя произнести; Центр русской культуры ликвидирован; журнал «Русская культура Западных областей Украины» много лет, как не выходит; Русское общество имени А.С.Пушкина по понятным причинам не функционирует; из нескольких десятков русских школ остались единицы; радио-, телевидение на русском языке сокращено до минимума; русская православная церковь Московского патриархата пере-

живает гонения... Одним словом, всё русское, как, якобы, «враждебное, угрожающее национальной безопасности», вымывается из сознания людей целенаправленными антироссийскими действиями современной украинской власти.

Вот так мы теряли и теряем братские связи.

Но, справедливости ради, надо сказать, что и Россия допустила потерю Украины. Хотя... было по-разному.

Что бы там ни говорили о Ю.М.Лужкове, к примеру, но в его бытность мэром столицы администрация поначалу помогала нам, пыталась сохранять связующие нити, активно содействовала этому.

Затем новые чиновники постепенно их рвали из Москвы одну за другой. Тот же МСРС (Международный Совет Российских Соотечественников) то и дело сворачивал действующие почти во всех регионах Украины русские общественные структуры.

На нашем примере скажу, что в последние годы перед майданом российское спонсорское финансирование вдруг оказывалось в руках одиозных фигур или лукавых идейных манипуляторов и прохиндеев, а консульская работа в этих регионах вместо серьёзной деятельности по умолчанию считалась «ссылкой» для провинившихся на других дипломатических участках сотрудников.

За последние десятилетия с развалом СССР недостатков и негатива накопилось столько, что кто только не пишет о них. Они, подобно бусинам на разорванной нитке, враз рассыпались в раскат, забываясь во все видимые и невидимые щели нового общественного обустройства.

Порой эти трагические разломы, включая и экономику, и общественное сознание, трудно постижимы, недоступны для понимания, цинично обнажены злом и предательством, пошлостью и нигилизмом.

Всем держать отныне
Ответ
Пред Родиной,
В жестокой правды
Час.

* * *

Но, тем не менее, оправдано ли только скорбеть по этому поводу, плакать в прямом и переносном смысле этого слова? Сегодня нет в наших странах людей (если только, конечно, Бог их не обделил разумом и сердцем), не сожалеющих о коварном преступном развале Советского Союза.

Есть такие слова в поэме:

А я стою,
Я здесь у края, стыну...

Они для меня едва ли не самые важные.

В жизни так много пессимизма, отчаянья. Люди ожесточаются, впадают в крайности, не видят выхода из создавшегося тупика. Но всё равно это ещё не пропасть. Да и «стынуть на краю» гораздо труднее, чем скатиться в эту самую пропасть, или исчезнуть навек из этого мира.

Смелость жить и вопреки всему побеждать – невиданная людская дерзость, особая непреходящая ценность характера мужественного человека.

Иногда кажется, что это конец, – всё, крах, бездна. Но эта кажущаяся безысходность не только провоцирует негодование, злость, но... и закаляет характер, укрепляет веру.

В периоды смут, изломов, трансформаций, упадка и расцвета именно эти смыслы, связанные с волей, терпением, мужеством, как раз и востребованы. Потому так близко нам перекликающееся с ними вермишевское мироощущение.

Мне представляется, как это ни странно может показаться, что новая поэма Сэды Вермишевой не столько говорит об авторской ностальгии по прошлому, сколько это произведение о будущем, таком его часе, который не будет поражён пережитыми трагедиями; извлечёт исторические уроки и создаст возможности для достижения новых высот.

Душа поэта разрывается от мысли, что вдруг и новое время будет подавлено бессмыслицей и злом мировой жизни, повторением «жестокого часа».

Видимо, не случайно пал авторский выбор на такое название поэмы, которое поначалу вызвало у меня некоторую настороженность, де-мол, опять «плач», а где же радость жизни?

С одной стороны, тут же забрезжила ассоциация с известным «Плачем Ярославны из «Слова о Полку Игореве».[5]

Однако, если в нём соединялись две традиции – народное причитание и заклинательные формулы, то у Сэды Вермишевой нет ни того, ни другого.

Хотя не факт, что она творчески не использовала художественных средств народной поэзии в своей поэме, хотя бы тот же образ «плача» или обращение к Создателю мира.

Скорей всего, звучание «плача» было продиктовано желанием подчеркнуть остроту потери Родины, усилить эпичность поэмы, а не раствориться в пессимизме, роптании, тем более, безысходности.

И углублённое проникновение в содержание поэмы подтвердило это, что не может не радовать.

* * *

Без прикосновения к мировоззрению С. Вермишевой не понять таинственной переклички смыслов семи частей поэмы, закольцованных «прологом» и «эпилогом», создающей богатую художественную ткань и особую ритмику произведения. Кондовые стихи, ничего не скажешь. В них всё по-настоящему: и чувства, и мысли, эмоции, переживания, пропитанные любовью всей авторской жизни.

И эта любовь далеко не беззаботное счастье, а, не удивляйтесь, бережно носимое бремя. Вермишевская любовь всеохватная, она отражает эпоху, её «интеллектуальный консенсус», который несёт в себе сердце, бьющееся прошлым, настоящим и будущим, тем всечеловеческим, что непримиримо с суррогатами вечно-сущного миропонимания.

Понятие «мировоззрение», как известно, – философский феномен.

Он, в первую очередь, есть квинтэссенция отношения человека к Миру как целому. Изменение мироотношения корректирует наше мировоззрение.

Древнегреческий мудрец Пифагор говорил о том, что «отдельные индивидуумы, занятые в сфере духовного производства, не удовлетворяющиеся образом жизни и мыслей большинства соотечественников, погрязших в рутине частных интересов, добывательства и потребительства, гедонизма (от греческого *hedone* – наслаждение) или безделья, стремились жить более совершенной – в пределе *мудрой* – жизнью. Мудрость же есть открытая трансцендирующая целостность личностного мира, основанная на началах Истины, Добра, Красоты и Святости (в широком, а не узкорелигиозном смысле). Тот, кто живет в мудрости (*sophia*) есть *мудрец* (*sophos*, шэн жэнь)». «Мудрец живет с неугасаемым самоотчетом, он подвергает суду своей рефлексии свой образ жизни и мысли, а также образ жизни и мысли других людей и извлекает из этого мировоззренческие и мироотношенческие уроки, стремясь вспомоществовать другим в самосовершенствовании».[6]

В этой связи анализ мировоззренческого контекста поэмы, безусловно, является одним из наиболее перспективных методологических направлений её литературоведческого исследования. Ведь речь идёт о мироощущении не просто поэтессы, а мудрого мыслителя современности.

Взгляды Сэды Вермишевой, о чём бы она ни писала, в том числе и в поэме, закономерно отходят от всего сокровенно-личного, присущего живому человеку (а его немало в поэме), от односторонности, политической злобы дня в сторону универсального мировоззрения, основанного, говоря словами М.Мамардашвили, на «музыке мироздания»[7] его всеобщности.

При этом, как это и свойственно поэту-мыслителю, она оперирует не конкретикой, а, исходя из неё, создаёт художественную канву общих идей, проблем, философских символов и смыслов: «эпоха уходит на дно», «закрывает в пространство окно», «начало её и конец», «иных устоев стены», «день всем судный», «сходство с законом Солнца и других светил», «начало летящего круга земли», и т.п.

Философия в поэме выступает как акт творческой мысли. И мировоззренческая рефлексия представлена как *философское осмысление* человека в мире и мира в человеке.

Русской литературе издавна была свойственна насыщенность философским содержанием, при котором искусство берёт на себя решение не только художественных задач, но глубоких вопросов бытия: от показа духовного мира отдельной личности до постановки и решения проблем исторического развития общества.

Конечно, рассматриваемая поэма – не философский трактат, но многие её строки насыщены размышлениями над подлинно философскими проблемами.

Это не умозрительная философия. Она очень внутренняя, примечательна вермишевской неповторимостью её поэтической индивидуальности.

Об этом трудно говорить, –
Пустое дело....
Старались жить.
Старались быть.
И вдруг – всё отлетело.
Исчезло....
Хоть и не сполна, –
Оставило приметы...
Но смело здесь взошли
Дома,
Иных устоев стены...
А я, увы,
Схожу с ума
В стране сплошной измены...

Известно, что времена не выбирают: в них живут и умирают. В этом смысле правомерны и личное восприятие, и оценка эпохи, в которой прошла жизнь поэтессы. Не просто прошла, а пролетела, наполненная противоречиями, раздираемая страстями, случайностями и закономерностями развития; окрашенная и благородными целями, завоеваниями и потерями, жестокостью по отношению к человеку. Она вправе говорить и о сломе эпох, и о том, что нас ожидает в будущем.

Следует отметить высокую степень погружённости автора в историко-культурный контекст и мира и России, которая диктует смыслы и значения событий и действий, воплощения философом в плоть художественного материала, формирования его философско-мировоззренческого стержня.

В поэме живёт самостоятельная философская мысль, отражающая социальные противоречия и трагизм народов бывшего СССР. Дана нелицеприятная для власти философско-мировоззренческая оценка действительности, когда «державы праведная твердь свернула себя в рог улиткой» и когда «не наступают над страной рассветы».

В жестокий век
Мне Бог ссудил родиться,-
Мне негде жить,
Мне негде приютиться....
Хожу по городу
С протянутой рукой.
Гляжу на лик,
На шик его лоскутный,
(Где столько дыр, -
Да некому латать....)
И каждый чин
На диво пёс паскудный...
И на кого нам,
Боже,
Уповать?

Характерным признаком философичности поэмы является антиномизм (метод философского познания, основанный на широком использовании противоречий между одинаково доказуемыми суждениями) и полифонизм (многозвучность, многоголосие) мышления Сэды Вермишевой. Её вполне положительные взгляды и оценки почти всегда отталкиваются то ли от отрицания негатива, то ли от попытки всестороннего взгляда на явление.

Для этого она сопоставляет различные концептуальные идеи, понятия, символы и на этом фоне формулирует своё мировоззренческое кредо: не доверяя жестокому времени, «одарить доверием иную жизнь», в которой, возможно, ей «уже не жить».

Вот это тонкое сквозное сожаление выступает ещё и свидетельством не подчинённости автора господствующим догматам. Её мировоззрение – не какая-то отдельная избирательная конструкция, существующая вне общего духовного мира страны. Её «я» – это органическая часть собирательного «мы».

То, что неожиданно с нами
Случилось,
Верно и Господу Богу
Не снилось...
Может негожие мы,
Иль не те.
Может, живём мы
В дурной простоте? –
Дом на обочине наш,
В пустоте?
Но по-иному
Мне всё это видится
Может,
Слепа я,
А может –
Провидица...

Скорее, – провидица.

Как известно, истинный талант поэта проявляется не только и не столько в художественном изображении действительности, сколько в умении дать ответ на труднейшие вопросы бытия, показать индивиду и обществу выход из исторического тупика, подсказать метод решения возникших проблем.

Есть ли этот ответ в поэме? По-моему, да. Хотя он не явный, не конкретен, больше метафоричен, мировоззренчески просторен и глубок. Ибо каждое скупое слово не отличается лёгкостью, оно перегружено смыслом; возле фраз лежит его гораздо больше, чем в прямом значении и понимании. И даже кажется, что здесь о главном речи не идёт. А это не так. Ибо оно «несказанное».

Усталость снять.
Приникнуть
К жизни слухом,
И снова сеять.
Снова жать.

* * *

Не будет преувеличением сказать, что в этих строках, как и в других частях поэмы, её философских умозаключениях о будущем сверкает искра гения. Она позволяет нам утвердиться в закономерности развития, в неизбежности замены уходящего во времени новым, более прогрессивным, или наоборот.

В этой связи приходит на ум афористическое высказывание А.Шопенгауэра о том, что талант и гений в искусстве подобны лучникам: если талант своей меткостью превосходит соперников, то гений попадает в цель, которую его современники вообще не видят.[8]

Так и вермишевский гений говорит о неотвратимости созидательного будущего, в котором не должно быть пагубных явлений и процессов, ложных методов и способов достижения цели. Изобличая пороки и зло, он тем самым утверждает добро.

Воистину, поэту приоткрывается тайная логика истории: мистическое и рационалистическое движение объединяются в деле понимания общественного устройства мира. Это происходит особенно тогда, когда С.Вермишева почти в отчаянье обращается к Творцу, как бы выводя его из небытия и наделяя одухотворяющей силой, способной вести с ней диалог. Этому посвящена пятая часть поэмы.

И на кого нам,
Боже,
Уповать?
Ты обещал когда-то
День всем судный –
Не миловать, -
Пришла пора карать
Рукою праведной...

Вообще для всей поэмы характерны сквозные «филогемы», обобщающие образы и символы, темы личной и общественной жизни и культуры, то есть, переплетение философского и художественного начал.

Становится очевидным, что рассматриваемая поэма – пример той поэзии, в которой живет и преобразуется интеллектуальное достояние русских поэтов и литераторов А.Блока, В.Маяковского, М.Горького. И для С.Вермишевой обозначение «мыслитель» – это далеко не метафора, а точное указание на философичный характер её творчества.

* * *

Своеобразие Сэды Вермишевой как мыслителя заключается не в том, что в поэме создана атмосфера не только реальных процессов, но и тех эпохальных разломов, свидетелем и участником которых она сама является.

Повествование многопланово и насыщено множеством мировоззренческих доктрин. Одна из них горьковская: «Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую».[9]

Мужеству и гражданской ответственности С.Вермишевой можно только позавидовать.

Повторюсь: ошибочно однозначно и прямолинейно воспринимать «Плач...» Сэды Константиновны как ностальгию по прошлому. Эта метафора лишена физики, наполнена духом любви. Она биполярна (двухполюсная): зовёт остановиться-оглянуться на пройденный путь и одновременно влечёт заглянуть в завтрашний день.

Поэма концептуальна. В ней всё – от детали до обобщения, от конкретного до общего,- та же «русская берёза», тот же «обломок скалы»,- дышит авторской концепцией патриотизма. Он у неё не этничен, не несёт на себе географических, национальных признаков, не созерцаем, ибо представлен таким свёрнутым свитком мысли творца. Но смысл её один – любовь и боль за судьбу Родины, которой в понимании автора уже нет, но которая живёт в ней и поэтому желанна в будущем. Это, казалось бы, противоречие, оплодотворено, модифицировано личностным осмыслением прошлого, настоящего и будущего.

* * *

Сегодня мир опасно балансирует на грани, можно сказать, жизни и смерти. В нём происходят глобальные катаклизмы, удушающие прогресс, лишаящие человека радости жизни. По Ф.Достоевскому «слишком осознавая это», поэтесса, однако, не уповает на мщение, возмездие (хотя эти нотки и присутствуют напоминанием о «судном дне»); ей ближе ясность в понимании корней своего мироощущения.

Человек всегда стремится к счастью, но реальная жизнь – это чередование трудной действительности с представлениями о счастье, достижению которого всегда мешает некий фатум. Это надо иметь в виду всякий раз, когда мы говорим о христианской истине. Да, она открывается в творческом процессе. Но, как говорил Н.А.Бердяев, «этот процесс не закончен ещё в мире и не сможет быть закончен до конца мира».[10]

Но не могу,
Я не хочу поверить,
Что музыка распалась
Наших сфер,
Что не с кем мне
Часы и время сверить,
На людной площади,
Под небом смены
Эр...

Придёт новое время, а поэзия Сэды Вермишевой не перестанет быть высокой, духовной, той, которая будет вечно служить нескончаемой христианской истине.

Литература

1. Дворцов В.В. Современного читателя лишают общения с настоящей книгой. Интервью./Родная Кубань.- 5.04.2018 / Электронный ресурс – Режим доступа: <https://www.rodnayakuban.com/> – Дата обращения: 18.04.2018.

2..Вермишева, Сэда Константиновна. Википедия./ Электронный ресурс- Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата обращения 16.04.2018; Международный объединённый биографический центр / Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.biograph.ru/index.php/whoiswho/17-society/1325-vermishevask> – Дата обращения: 20.04.2018.

3.Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Глава II. Признаки духа/ Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/_Duh_Real02.php – Дата обращения: 16.04.2018.

4.Вермишева С.К.. Плач о потерянной Родине. Жестокий час. – Российский писатель/ Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/vermisheva-plach.htm> – Дата обращения: 15.04.2018.

5.Плач Ярославны. – Слово о Полку Игореве/ Электронный ресурс – Режим доступа: [ttp://slovoopolku.ru/prokofiev/](http://slovoopolku.ru/prokofiev/) – Дата обращения: 15.04.2018.

6. Философия в духовном развитии человека. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2003. – 184с.

7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990.

8. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.2 / М., «Наука», 1993.

9.Горький М. Часы. Рассказ. / Электронный ресурс – Режим доступа: [ttp://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/chasy.htm](http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/chasy.htm) – Дата обращения: 18.04.2018.

10. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Глава III / Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/fsduha/03.html> – Дата обращения: 23.04.2018.